

Дорога на Уиган-Пирс

Автор:

[Джордж Оруэлл](#)

Дорога на Уиган-Пирс

Джордж Оруэлл

В 1936 году, по заданию социалистического книжного клуба, Оруэлл отправляется в индустриальные глубинки Йоркшира и Ланкашира для того, чтобы на месте ознакомиться с положением дел на шахтерском севере Англии. Результатом этой поездки стала повесть «Дорога на Уиган-Пирс», рассказывающая о нечеловеческих условиях жизни и работы шахтеров. С поразительной дотошностью Оруэлл не только изучил и описал кошмарный труд в забоях и ужасные жилищные условия рабочих, но и попытался понять и дать объяснение, почему, например, безработный бедняк предпочитает покупать белую булку и конфеты вместо свежих овощей и полезного серого хлеба. В конечном итоге эта книга привела к разрыву автора с прогрессивным издателем. Социализм, о котором там горячо толкует Оруэлл, оскорбил правоверного западного социалиста насмешками над теорией марксизма и практикой сталинизма, поскольку оруэлловский социализм – это просто-напросто человечность и ничего другого.

Джордж Оруэлл

Дорога на Уиган-Пирс

George Orwell

The Road to Wigan Pier

© перевод Вера Домитеева

© ИП Воробьев В. А.

© ИД СОЮЗ

* * *

Часть первая

1

Первым утренним звуком был топот фабричных работниц, грохотавших по булыжнику деревянными подметками. По-видимому, еще раньше раздавался фабричный гудок, но он меня ни разу не разбудил.

Рассчитанную на четверых постояльцев спальню, довольно гнусную берлогу, отличала неуютность помещений, используемых не по назначению. Сняв год назад обычный жилой дом и приспособив его под лавочку, торгующую требухой, и меблированные комнаты, Брукеры не сподобились набраться сил да выкинуть кое-какой доставшийся вместе с жилищем хлам, так что спали мы, квартиранты, в том, что еще опознавалось как гостиная. С потолка свисала тяжеленная стеклянная люстра, обросшая пылью, будто мехом. Вдоль одной из стен громоздилось резное чудище, нечто среднее между буфетом и витриной, с массой выдвижных ящичков и зеркальных вставок. Кроме того, имелись когда-то цветастый, линялый как половая тряпка ковер, два стула с позолотой и драными сидениями, а также одно из тех старомодных, набитых конским волосом кресел, с которых ты, стараясь усидеть, непременно соскальзываешь. Превращение в спальню совершилось путем впихивания среди этой рухляди четырех коек.

Моя кровать стояла в правом углу, около самой двери. Поскольку вторую кровать установили впритык, поперек моей (дабы позволить двери открываться), спал я,

поджав ноги, – распрямленные, они пинали бы в поясницу соседа. Им был пожилой человек, мистер Рейли, механик «наверху» одной из шахт. По счастью, ему требовалось отправляться на работу в пять утра, благодаря чему я мог наконец вытянуться и хоть пару часов поспать нормально. Койку напротив занимал шахтер шотландец, пострадавший в забое при обвале (его придавило каменной глыбой, которую удалось сдвинуть лишь через два часа) и получивший за увечье пять сотен фунтов компенсации. Сорокалетний богатырь, седеющий, с короткими усами – типаж старшего сержанта, он допоздна валялся на кровати, куря коротенькую трубочку. Четвертым спальным местом пользовались коммивояжеры, распространители газет, рекламные агенты и прочий кратковременно гостивший люд. Эта кровать была двуспальной, значительно комфортней остальных. Я сам провел на ней первую здешнюю ночь, затем меня переместили ради нового клиента. Полагаю, все вновь прибывшие в первую ночь нежились на двуспальном ложе, служившим своего рода приманкой. Окна, по низу плотно забитые красными мешками с песком, никогда не отворялись, и утром комната воняла, как клетка хорька. Проснувшись, ты этого не замечал, но, стоило тебе выйти и вернуться, запах крепко шибал в нос.

Я так и не узнал, сколько же в доме было спален, однако – диво дивное – там со времен еще до Брукеров имелась ванная. Внизу стандартная для подобных жилищ кухня-столовая с гигантской открытой плитой, топившейся круглые сутки. Дневной свет только через потолочный люк, поскольку с одной стороны был магазин, а с другой – кладовая, из которой шел ход в некое сумрачное подzemелье с запасом рубца. Частично перекрывая дверь кладовой, раскинулся бесформенный диван, на котором в ворохе грязных одеял возлежала владелица нашего пансиона, постоянно недомогавшая миссис Брукер. Суть заболевания этой дамы с большим желтовато-бледным и страдальчески озабоченным лицом оставалась неясной; подозреваю, что единственной причиной ее нездоровья являлось переедание. Перед плитой почти всегда висело сохшее на веревке белье, в центре комнаты стоял широкий кухонный стол, за которым ели и члены семьи, и постояльцы. Непокрытым я этот стол ни разу не видел, но мне доводилось разглядывать устилавшие его слои. В самом низу старые газеты, заляпанные соусом, затем липкая белая клеенка, затем кусок зеленой саржи, а поверх всего грубая льняная скатерть, которую вытряхивали редко и не меняли никогда. Крошки от завтрака встречали тебя и за ужином. У меня вошло в привычку, подметив специфические крошки, изо дня в день наблюдать их передвижение по столу.

Торговое помещение было узким и холодным. Звездочками в ночи белели приклеенные снаружи к стеклу грязного витринного окна остатки старых

рекламных листовок шоколада. На мраморной стойке лежали огромные свернутые пласты очищенного белого рубца, рядом нечто темное и мохнатое под названием «черный рубец» и призрачно светящиеся свиные ножки. Типичная лавчонка, где клиентам предлагается «тушеный горох с требухой» и мало что еще кроме хлеба, сигарет и консервов. Витрина также зазывала «чаем», однако просьбы относительно него обычно с извинением отклонялись.

Мистер Брукер, бывший шахтер, уже два года безработный, всю жизнь наряду с горняцким трудом занимался тем или иным предпринимательством. Одно время они с женой держали паб, но потеряли лицензию на азартные игры в своем заведении. Вообще я сомневаюсь, давал ли выгоду какой-либо их бизнес; похоже, они были из тех, кто заводит коммерческое дело, главным образом, чтобы ворчать по поводу убытков. Темноволосый, мелкий в кости, внешне похожий на ирландца, вечно угрюмый мистер Брукер изумлял неопрятностью. Мне не припомнить его с чистыми руками. Ввиду инвалидного состояния миссис Брукер кормлением жильцов большей частью распорядился он и, как свойственно грязнулям, делал это сколь неряшливо, столь и медлительно. На поданном им бутерброде всегда красовался черный отпечаток большого пальца. Даже когда он ранним утром отправлялся в таинственную пещеру позади дивана миссис Брукер вытащить из подпола очередную часть продаваемой требухи, руки у него уже были черными. От квартирантов я слышал жуткие рассказы насчет места хранения рубца; говорили, что там кишмя кишат тараканы. Не знаю, как часто хозяйева заказывали свежую партию товара, но интервалы явно были длительны, ибо миссис Брукер имела обыкновение датировать ими давние случаи: «Дайте-ка вспомнить, с тех пор мне уж три раза заморозку /мороженный рубец/ привозили...». Нам, постояльцам, данный рубец к столу никогда не подавали. Тогда мне представлялось, что из-за экономии дорогого продукта, теперь я думаю – просто по причине нашей слишком хорошей осведомленности о нем. Сами Брукеры, как я заметил, свой рубец тоже никогда не ели.

Постоянными жильцами были только шахтер шотландец мистер Рейли, два престарелых пенсионера и безработный на госпособии, который звался Джо (личности его типа фамилий как бы не имеют). Шотландец при тесном общении оказался занудой. Подобно многим потерявшим работу, он слишком много времени проводил за чтением газет, так что, если ему не препятствовать, часами мог разглагольствовать о вещах наподобие «желтой угрозы», дорожных убийств, астрологии или конфликта между наукой и религией. Двух стариков, как полагается, приговорила доживать в чужом углу официальная система по назначению пенсий неимущим. Вручая Брукерам свои еженедельные десять

шиллинггов, пенсионеры получали то, чего можно ждать за эту сумму: койку на чердаке и питание, состоявшее, в основном, из хлеба с маргарином. Один из них, так сказать «старший», угасал от какой-то зловещей хвори (видимо, от рака), поднимаясь с постели лишь в те дни, когда приходилось ходить за пенсией. Другому, по прозвищу Старый Джек, было семьдесят восемь лет, из которых он больше пятидесяти проработал в шахте. Он сохранил и живой ум, и темперамент, но, что удивительно, помнил, казалось, только опыт своей юности, начисто позабыв о механизмах и прочих новшествах современных шахт. Старик любил мне рассказывать об укрощении впряженных в вагонетки, дико лягавшихся в узких штольнях лошадей. Узнав же о моей договоренности побывать в угольном забое, он презрительно заявил, что таким долговязым, как я (рост мой шесть с половиной футов), «ходку» по штрекам нипочем не одолеть, и убеждать его в определенном улучшении условий этих «ходов» было бесполезно. А вообще, он щедро проявлял дружелюбие и, перед тем как вскарабкаться к своей койке под самой крышей, всегда учтиво кидал на прощание: «Спокойной ночи, ребята!». Но больше всего в Старом Джеке меня восхищало абсолютное нежелание попрошайничать – оставаясь к концу недели без крошки табака, он неизменно отказывался угоститься чужим куревом. Брукеры застраховали жизни дряхлых жильцов договорами с полисным взносом шесть пенсов в неделю. Кто-то подслушал разговор, когда они тревожно допытывались у страхового агента: «Долго ль живут-то эти, у которых рак?».

Джо, будучи, как и шотландец, заядлым читателем газет, целыми днями просиживал в бесплатной городской библиотеке. Весьма запущенного и заброшенного вида типичный безработный холостяк с наивно-презрительной миной на круглом, почти детском лице, выглядел он скорее беспризорным юнцом, чем мужчиной. Подобного рода моложавость, мне представляется, чаще всего идет от полной личной безответственности. Увидев Джо, я решил, что ему лет двадцать восемь, и был поражен, узнав, что сорок три. Джо любил пышные фразы и чрезвычайно гордился собственной проницательностью, позволившей избежать женитьбы. «Брачные узы – тяжкие оковы», – нередко повторял он мне, с очевидным ощущением своей мудрости и тонкости замечания. Шесть-семь из пятнадцати шиллинггов его еженедельного пособия уходили на оплату койки у Брукеров. Иногда случалось видеть, как он в кухне варганит себе чашку чая, но питался Джо где-то вне дома; главным образом, я полагаю, маргариновыми бутербродами и жареной рыбой с чипсами.

Кроме постоянных жильцов гостевала всякая временная публика: потертые коммивояжеры, заезжие артисты (неприменно пошловатых жанров, поскольку приглашались они для популярных на севере воскресных эстрадных

выступлений в больших пабах), агенты по распространению газет. Братию газетных распространителей я прежде не встречал. Их труд мне показался настолько ужасным, настолько безнадежным, что возникал вопрос, как, с возможной альтернативой посидеть в тюрьме, можно выбрать и вынести такое. Нанятых издателями воскресных еженедельников, агентов-распространителей снабжают картами со списком улиц и отправляют по городам «окучивать» определенные кварталы. Не сумевших гарантировать двадцать ежедневных заказов увольняют. Постоянное выполнение этой нормы дает крохотное жалование – два фунта в неделю; плюс, надо полагать, некий мизерный процент с каждой подписки. Дело вообще-то не совсем нереальное, ибо в рабочих районах каждое семейство выписывает какой-нибудь дешевый еженедельник, довольно часто меняя свои предпочтения. Однако долго ли продержишься в лямке распространителя? Газеты нанимают отчаявшихся бедолаг (потерявших место клерков, мелких торговых агентов и т. п.), которые ценой невероятных усилий добывают нужный минимум, но как только, выжатые до капли, они снижают показатель, их выкидывают и нанимают новых. Я познакомился с двумя распространителями общеизвестного еженедельника из числа крайне скверных. Оба содержали свои семьи, оба были немолоды, один уже стал дедом. После десяти часов на ногах, «окучив» предписанные улицы, они потом до поздней ночи сидели, заполняли пустые бланки рекламными обещаниями «призов» – надувательских штучек типа того, что, если вы, оформив подписку на полтора месяца, приложите к почтовой квитанции два шиллинга, вам подарят набор мисок. Толстяк, имевший внуков, обычно засыпал, уронив голову на ворох бланков. Ни тот, ни другой не могли себе позволить платить Брукерам за полный пансион. Оплачивая только спальные места, они стыдливо закусывали в углу кухни припасенными в чемоданах хлебом, маргарином и обрезками бекона.

У Брукеров имелось много сыновей и дочерей, большинство которых давно сбежали из дома. Некоторые осели в Канаде – «на Канаде», как выражалась миссис Брукер. Рядом жил лишь один сын, свиноподобный детина, работавший в гараже и регулярно приходивший в родительский дом, чтобы поесть. Здесь же целыми днями находилась его жена с двумя ребяташками, не ней лежала основная часть стряпни и стирка, в чем ей помогала Эмми, невеста другого сына, обитавшего в Лондоне. Белесенькая, остроносенькая, понурая Эмми за какую-то нищенскую зарплату трудилась на заводе, а вечерами еще рабски пахала на Брукеров. Свадьба ее все откладывалась и, как я понял, вряд ли могла состояться, зато миссис Брукер уже впрягла ее как невестку, изводя брюзжанием с особо свойственной инвалидам неотступной придирчивостью. Прочая домашняя работа исполнялась – или не исполнялась – мистером Брукером. Хозяйка редко вставала со своего дивана в кухне (ночь она проводила

там же) и была слаба для любого действия кроме поглощения пищи в гигантских количествах. Так что Брукер и обслуживал клиентов в лавке, и подавал еду жильцам, и «прибирался» в спальнях, невообразимо затягивая процесс каждого из ненавистных дел. Кровати нередко оставались не заправленными до шести вечера, и в любой час дня можно было встретить на лестнице Брукера, несущего полный ночной горшок, ухватив большим пальцем посудину за край. Утром он сидел у плиты и над ведром грязной воды чистил картофель со скоростью замедленной киносъемки. Трудно представить, что чистка картошки может внушать столь глубокое возмущение. «Чертова бабская возня», как называл он подобные занятия, вырабатывала в его организме некую едкую горечь. Брукер был из породы тех, кто бесконечно жует свои обиды, словно жвачку.

Подолгу оставаясь в доме, я, разумеется, выслушивал подробные отчеты о бедах Брукеров: очередной обидчик обманул их, оплатив черной неблагодарностью, лавка не окупается и содержание жильцов почти не дает прибыли... По местным меркам они не так уж бедствовали (от «Проверки средств»[1 - «Проверка средств» (Means-Test) – официальное обследование финансового уровня для определения прав на различные государственные субсидии.] с возможностью получить пособие по безработице, Брукер почему-то уклонялся), но плаксивые излияния любому, согласному слушать, составляли их главное удовольствие. Громоздясь на диване рыхлой кучей жира и нитья, миссис Брукер часами тянула одно и то же: «Клиентов нету. Прямо я даже не знаю, что такое. Рубец-то на прилавке лежит да лежит, а уж какой прекрасный-то рубец! Не тяжело ль так-то вот?». Завершавшее очередную жалобу «не тяжело ль так-то вот?» звучало будто рефрен старинных баллад. Лавка, надо полагать, действительно не окупалась; царившая в ней мерзость запустения демонстрировала очевидный упадок бизнеса. Но совершенно бесполезно было бы объяснять, почему даже желающий что-то купить прохожий зайти внутрь не решается, – ни хозяин, ни хозяйка не могли уразуметь, что валявшиеся в витрине лапками вверх дохлые прошлогодние мухи торговле не способствуют.

Однако что по-настоящему терзало Брукеров, так это мысль о двух старых пенсионерах, живущих в доме, занимающих кровати, получающих еду и дающих за все лишь по десятку шиллингов в неделю. Сомневаюсь, что хозяйские траты превышали эту сумму, хотя, конечно, доходы тут были крайне невелики. Но стариканы в глазах Брукеров являлись севшими на шею паразитами, которых содержат из милости. Старого Джека еще кое-как терпели, поскольку днем он уходил из дома, но вот прикованный к постели старый Хукер (хозяин специфично произносил его фамилию, опуская первую букву и растягивая «у» – «Уукер»[2 - В Англии произношение слов с пропуском начального звука «h» (эйч)

характеризует вульгарный, простонародный выговор.]) вызывал просто ярость. Чего только я не наслушался насчет старика Хукера, его капризности, мучений перестилать его постель, его блажи насчет еды (того, вишь ли, ему «не хочется», сего «не хочется»), беспредельной его неблагодарности, а главное – упрямства, с которым дряхлый эгоист отказывался умирать! Брукеры весьма откровенно жаждали его смерти. Тогда, по крайней мере, им выдали бы деньги по страховке. Казалось, они ощущали нахлебника, лежащего наверху и день за днем их объедающего, как червя, непрестанно гложащего их кишки. Отрываясь от чистки картофеля, хозяин, поймав мой взгляд и мотнув головой к потолку, к чердаку с жильцом, ронял с невыразимой горечью: «Во б..., а?». Пояснять что-либо мне, хорошо осведомленному о всех пороках старого Хукера, не требовалось. Впрочем, у Брукеров имелись свои претензии к каждому из квартирантов (несомненно, включая и меня). Живший на пособие по безработице Джо входил в ту же категорию, что старики пенсионеры. Шотландец платил фунт в неделю, но редко покидал жилье, и хозяйевам не нравилось что «вечно он тут торчит». Газетных распространителей не бывало по целым дням, но недовольство вызывало их питание собственным продовольствием, и даже лучший жилец Брукеров, механик Рейли, был в немилости, ибо, по словам хозяйки, будил ее, топая вниз из спальни рано утром. Брукеры бесконечно ныли, что никак не заполучить «солидных бизнесменов», вносящих плату за полный пансион и занятых своей коммерцией вне дома. Идеальным постояльцем им виделся некто, кто давал бы тридцать шиллингов в неделю, а приходил бы только ночевать. Вообще, как я заметил, люди, сдающие жилье, почти всегда ненавидят квартирантов. Деньги от них они хотят, но самих их воспринимают как вторгшихся врагов и бдительно следят за ними с особой ревностью от нежелания, чтобы жилец вел себя чересчур уж по-домашнему. Все это, конечно, плоды дурной системы, что вынуждает человека селиться в чужом доме, в чужой семье.

Еда у Брукеров подавалась однообразно скверная. На завтрак ты получал два ломтика бекона, бледное жареное яйцо и куски хлеба с маслом, нередко приготовленные накануне и с неизменным отпечатком большого пальца. Мои попытки деликатно испросить позволение самому делать себе бутерброды успеха не имели, Брукер по-прежнему изготавливал их мне своими грязными руками, оттискивая на каждом четкую темную метку. Обед обычно состоял из консервированного мясного пудинга (думаю, в ход тут шли запасы не проданных в своей лавчонке трехпенсовых банок), вареного картофеля и рисового пудинга. К чаю предлагалось много хлеба с маслом и лежалого вида кексы, закупаемые, вероятно, как «вчерашняя выпечка». На ужин белесый и дряблый ланкаширский сыр с дешевым сухим печеньем, которое, однако, хозяйева печеньем не называли,

почтительно именуя «сливочным крекером» («возьмите-ка еще сливочный крекер, мистер Рейли, сливочный крекер к сыру так хорош...») и тем несколько маскируя факт, что единственным вечерним блюдом являлся сыр. Постоянно присутствовали на столе несколько бутылочек острого ворчестерского соуса и заполненная до середины банка джема. Соусом было принято поливать все вплоть до сыра, однако я никогда не видел, чтобы кто-нибудь рискнул угоститься джемом, представлявшим собой омерзительно засохшую бурую массу. Миссис Брукер ела отдельно, не упуская также случай закусить при каждой общей трапезе и весьма ловко устроить себе «капельку заварки», что означало чашку крепчайшего чая. В виде салфетки она использовала одеяло, а под конец моего пребывания завела моду утирать губы обрывками газет, из-за чего пол с утра усеивала гадость подолгу не выметавшихся сальных бумажек. Запах в кухне стоял ужасный, но, как и вонь в спальне, такую неприятность довольно скоро перестаешь замечать.

Пристанище было вполне нормальным для промышленных районов, что подтверждалось отсутствием каких-либо претензий со стороны жильцов. Единственным исключением при мне стал маленький черноволосый и остроносый кокни[3 - Рядовой лондонец; тип бойкого столичного жителя.], агент табачной фирмы. На север страны он прежде не ездил, имея, надо полагать, работенку получше и останавливаясь в номерах повыше классом. Впервые ему пришлось столкнуться со столь убогим пансионом, приютом жалкого кочующего племени зазывал и распространителей. Утром, пока мы одевались (спал этот лондонец, конечно, на двуспальном ложе), я увидел в его озирающихся глазах некое вопросительное отвращение. Глянув на меня и мигом распознав во мне земляка из южных областей, он с чувством бросил: «Чертовы скоты!». После чего собрал чемодан, спустился и твердо заявил Брукерам, что к жилью подобного сорта не привык, а потому немедленно съезжает. Брукеры остались в горестном недоумении. Их оскорбили до глубины души. Какая неблагодарность! Лишь разок переночевав, вдруг съехать невесть почему! Впоследствии хозяева многократно и всесторонне обсуждали этот случай. К перечню их обид добавилась еще одна.

В день, когда за завтраком под столом обнаружился ночной горшок, я решил, что пора попрощаться. Местожительство начинало действовать угнетающе. Не только грязь, вонь и отвратная еда, но ощущение одуряющей стоячей гнили в какой-то норе, где люди, копошась как тараканы, бесконечно заняты лишь неопрятной возней и нытьем. Самое кошмарное у подобных Брукерам – манера без конца нудить одно и то же. Возникает ощущение, что это вообще не люди, а призраки, вечно бубнящие свой вздор. Хнычущие жалобы миссис Брукер – по

неизменному списку обид, с неизменным скулящим припевом «не тяжко ль так-то вот?» – допекли меня даже больше, нежели ее обычай утирать рот обрывками газет. Есть, конечно, вариант, назвать всяких там Брукеров просто противными и позабыть о них, но ведь таких десятки, сотни тысяч, и они характерный побочный продукт современного мира. Принимая цивилизацию, их породившую, игнорировать их невозможно, поскольку такова уж часть даров промышленной эпохи. Колумб переплыл Атлантику, застучали двигатели первых паровых машин, верные традициям честные британцы одолели французские пушки при Ватерлоо, бесчестные бандиты девятнадцатого века, молясь Господу, набили себе карманы, – и все это вело сюда: в лабиринты трущоб, тесноту полутемных задних кухонь, где удручающе тоскливый, хилый люд копошится по-тараканьи муторно и монотонно. Есть своего рода долг вновь и вновь наблюдать, обонять (в особенности – обонять) подобные местечки, дабы не забывать, что они существуют. Хотя, пожалуй, слишком задерживаться там не стоит.

Поезд уносил меня вдаль, сквозь чудовищный ландшафт с терриконами шлака, дымящими трубами, грудями чугунного лома, грязными каналами, перекрестьями черных как сажа троп, затоптанных угольной пылью с подошв шахтерских башмаков. Несмотря на март стоял жуткий холод, и всюду темными от копоти валами лежал снег. В городском предместье мимо медленно ползущих вагонов потянулись теснившиеся перпендикулярно к железнодорожной линии ряды убогих серых домишек. На одном из задних дворишков молодая женщина, став на колени, тыкала палкой в отверстие свинцовой спускной трубы, шедшей от внутреннего и, видимо, засорившегося слива. У меня было время хорошенько рассмотреть ее – ее холщовый фартук, неуклюжие бахилы, красные от холода руки. А когда она вскинула голову на проходивший поезд, я, находясь довольно близко, поймал ее взгляд. Круглое бледное лицо, изнуренное лицо обычной трущобной девушки, которая в свои двадцать пять выглядит сорокалетней, и на нем, за секунду глаза в глаза, мне открылось самое безутешное выражение горечи и безнадежности. До меня вдруг дошло, как ошибаемся мы, говоря, что «им ведь все это совсем не так, как было бы для нас», что трущобному жителю и не представить ничего кроме трущоб. Нет, страдание в ее лице не было неосознанной животной мукой. Девушка превосходно знала, не хуже меня понимала, каково ей приходится, что за жуткая участь – в лютый холод стоять во дворе коленями на осклизлом камне и палкой прочищать помойный водосток.

Однако очень скоро поезд выехал на простор, и природа увиделась чем-то странным, почти искусственным наподобие парка, – индустриальные районы наполняют ощущением, что дым и грязь повсюду и нет клочка земли без этого. В небольшой густонаселенной, сплошь прокопченной стране вроде нашей

загаженность как бы в порядке вещей. Горы шлака и заводские трубы кажутся пейзажем нормальным, более естественным, чем трава и деревья, и даже в сельской местности, втыкая в землю вилы, привычно ожидаешь вывернуть из почвы бутылку или ржавую жестянку. Но здесь белели чистые пышные снега, и лишь верхушки каменных межевых стенок вились по холмам темными дорожками. Мне вспомнилось, как Дэвид Лоуренс[4 - Лоуренс, Дэвид Герберт (1885–1930), английский романист, поэт и эссеист, родился в поселке Иствуд (графство Ноттингемшир) в семье шахтера.], описывая этот или близкий этому ландшафт, говорит о волнистых заснеженных холмах, что зыблются вдали «подобно мускулам». Я бы употребил иное сравнение: на мой взгляд, снег с темневшими извивами каменных стенок напоминал белое платье, расшитое черным кантом.

Хотя снег лишь слегка подтаял, солнце сияло ярко и сквозь плотно закрытое вагонное окно чудилось даже гревшим. По календарю наступила весна, и кое-кто из птиц, похоже, верил в это. Впервые в жизни, на проталине вблизи полотна, я увидел спаривание грачей, происходящее, оказывается, вовсе не на ветвях. Церемония ухаживания выглядела любопытно: дама стояла, разинув клюв, а кавалер, кружа вокруг избранницы, словно кормил ее. Всего полчаса я ехал в поезде, но, казалось, громадное расстояние пролегло от задней кухни Брукеров до этих пустынных снежных склонов, сверкающего солнца и больших, глянцево блестящих птиц.

Промышленная область нашего севера, в общем, действительно один огромный город с населением примерно равным числу жителей Большого Лондона, но, к счастью, с гораздо более обширной территорией, благодаря чему там еще остается место для пятачков чистоты и благопристойности. Ободряющий момент. Несмотря на упорные попытки запакостить все вокруг, человек в этом пока преуспел не до конца. Земля так велика, что даже в смрадной сердцевине цивилизации найдешь поля зеленой, не посеревшей от дыма травы; существует даже вероятность обнаружить речки, в которых вместо банок из-под консервированной лосося водится живая рыба. Долго-долго, чуть не целых двадцать минут, поезд катил по просторам холмистых полей, прежде чем пейзаж вновь начал окультуриваться скопищами пошлых загородных вилл, а затем вновь труппобные окраины, коптящие трубы заводов, доменные печи, каналы, башни газгольдеров и прочие атрибуты индустриального города.

Наша цивилизация, как отмечает Честертон, в гораздо большей мере, чем принято думать, базируется на угле. И машины, что обеспечивают нашу жизнь, и машинное производство этих машин прямо или косвенно зависят от угля. В циркуляции организма Западного мира шахтер по важности на втором месте после землепашца. Атлант, на чьих плечах почти все остальное, не перемазанное угольной пылью. Так что, если есть случай и готовность к определенным испытаниям, процесс угледобычи весьма стоит того, чтобы его понаблюдать.

Спускаясь в шахту, важно оказаться в забое, когда там трудятся «навальщики». Это непросто, ибо посторонние мешают работе и не приветствуются, однако визит в другое время создаст ложное впечатление. По воскресеньям, например, шахта выглядит вполне безобидно. Приходить надо, когда грохочут механизмы, клубится угольная пыль и видно, что такое шахтерский труд. В рабочие часы шахта подобна аду (по крайней мере, моему представлению о преисподней). Налицо почти все, что людям мерещится в аду: удушливое пекло, темень, шум, сумятица и, прежде всего, невыносимо тесное пространство. Всё кроме адского огня, поскольку здесь лишь слабый свет рудничных ламп и электрических фонариков, лучи которых едва пробивают густую угольную мглу.

Когда наконец доберешься до места (о самой вырубке рассказ чуть позже), то, одолев последний промежуток тоннельной крепи, оказываешься среди блестящих черных стен высотой три-четыре фута. Это «плоскость забоя». Наверху гладкий потолок скалы, из которой вырублен уголь, под ногами тоже скала, высота галереи определяется толщиной пласта и, соответственно, немногим больше ярда[5 - Ярд (3 фута) = 91,44 см.]. Первое, что ошеломляет, на время перекрывая прочие ощущения, – жуткий грохот конвейерной ленты. Особенно далеко взгляду не проникнуть (свет твоей лампы тонет в клубах черной пыли), но по обеим сторонам прохода различаешь ряды полуголых, стоящих на коленях в четырех-пяти ярдах друг от друга людей, которые, совками набирая отколотый уголь, быстро кидают его через левое плечо – наполняют бегущую в ярде за спиной резиновую, шириной два фута, полосу прожорливого транспортера. Безостановочно течет искристая угольная река, унося в больших шахтах по несколько тонн в минуту. Где-то на магистральных путях уголь перегружается в шахтные вагонетки емкостью полтора галлонов, подтягивается к стволу и клетью поднимается вверх.

Невозможно наблюдать «навальщиков» за работой без острого чувства зависти к их закалке. Труд у них по обычным меркам устрашающий, почти сверхчеловеческий. Надо не просто перебросить немислимый объем угля, но сделать это в положении, которое удваивает или даже утраивает необходимые усилия. Работать постоянно приходится на коленях, в низкой пещере вообще не разогнуться, и ты, разок попробовав покидать уголёк, сразу поймешь, какой мощью тут нужно обладать. Стоя орудовать совком сравнительно легко, поскольку помогают и коленные и бедренные мышцы, но, опустившись на колени, работаешь лишь напряжением мускулов рук и живота. Да и все прочие условия дело не облегчают. Жара (уровень ее колеблется, но в большинстве шахт истинное пекло), забивающая горло и ноздри, залепляющая веки угольная пыль и непрерывно стучащий конвейер, шум которого в тесном пространстве, как грохот пулемета. Однако и работают, и выглядят навальщики, словно сделаны из железа. Под слоем ровно покрывающей их с головы до пят угольной пыли внешне они действительно как кованые статуи. Только увидев шахтеров обнаженными в забое, поймешь, сколь физически великолепны эти люди. Фигуры у большинства некрупные (высокий рост – помеха в их труде), но почти все прекрасно сложены: широкие плечи, мощные торсы, плавно суженные к гибким талиям, плотные маленькие ягодички, мускулистые бедра и ни унции лишней плоти. В жарких шахтах на горняках лишь тонкие кальсоны, башмаки на деревянных подошве и наколенники, в самых жарких – лишь башмаки и наколенники. На взгляд трудно отличить пожилых рабочих от молодых. Им может быть и шестьдесят, и даже шестьдесят пять, но, черные и обнаженные, все они выглядят похожими. Без молодого тела, без стройности, вполне годной для королевской гвардии, с шахтерским трудом не справиться, лишние фунты на талии работать в позе навальщика не позволят. Увиденное однажды зрелище – ряд черных лоснящихся фигур, что, стоя на коленях, выгнув спины, с невероятной энергией черпают и перекидывают уголь, – незабываемо. Смена шахтеров длится семь с половиной часов, теоретически без перерывов или каких-либо «отлучек». Фактически все же минут пятнадцать они умудряются выкроить, чтобы подкрепиться взятой из дому едой: обычно это «хлеб с дрипингом[6 - Дрипинг (dripping) – популярный в британском рационе капающий с жаркого жирный мясной сок.]» и бутылка холодного чая. Впервые попав в забой, я вляпался ладонью в какую-то слизкую гадость, что оказалась комком сплюнутой табачной жвачки. Жевать табак у шахтеров в ходу, считается – помогает от жажды.

Лишь несколько спусков в шахту позволяют разобраться в том, что вокруг тебя происходит, так как впервые наблюдаемый процесс многократной погрузки-перегрузки угля не дает заметить что-то еще, до некоторой степени даже

разочаровывает или, лучше сказать, не отвечает твоим ожиданиям. Заходишь в клетку – стальной ящик не шире телефонной будки, только раза в два-три длинней. Сюда плотно, как сардины в банке, набивается десяток человек; рослому гостю тут приходится слегка ссутулиться. Стальную дверь за тобой закрывают, и некто, управляющий с земли лебедкой, бросает тебя в пустоту. Секундный желудочный спазм, будто в момент автомобильного рывка, но движение ощущаешь не очень сильно, пока, ближе ко дну, спуск не затормозится так резко, что ты готов поклясться – вас снова рванули вверх. На середине пути скорость спуска до шестидесяти миль в час, в глубоких шахтах и больше. Выбравшись из клетки, оказываешься под землей на глубине ярдов четырехста. Стало быть, сверху гора приличного размера: сотни ярдов твердых скальных пород, костей вымерших животных, подпочвенного грунта, кремневой гальки, растительных корней, травы и топчущих ее коров – все это у тебя над головой, подпертое лишь деревянными стойками не толще твоей руки. Причем из-за скорости, из-за полнейшей темноты, в которой летел вниз, чувствуешь себя на глубине гораздо большей, чем в тоннеле метро под Пиккадилли.

Что еще изумляет, так это протяженность штреков[7 - Штрек – горизонтальная горная выработка без непосредственного выхода на поверхность.]. Раньше я смутно представлял шахтера, рубящего уголь где-то поблизости от опустившей его клетки. Мне в голову не приходило, что до места работы ему нужно добираться ходами горизонтальных выработок примерно столько же, сколько от Лондонского моста до Оксфорд-серкус. То есть вначале, разумеется, ствол шахты пробивают рядом с угольным пластом, однако по мере разработки его ветвей, забой отодвигается дальше и дальше. В среднем – на милю, достаточно обычно – на три, а рассказывают про шахты, где от ствола до забоя целых пять миль. И никакого сравнения с расстояниями на земле. Здесь милю или три надо одолевать по боковым штрекам, учитывая, что даже в магистральном тоннеле редко где можно распрямиться во весь рост.

Первые сотни ярдов особых тягот не замечаешь. Идешь, пригнувшись, по тускло освещенной галерее шириной восемь-десять футов и около пяти футов высотой, со стенами из сланцевых пород, наподобие пещер Дербишира. Через каждую пару ярдов деревянные стойки с перекрытиями балок, многие из которых прогибаются такими дугами, что вынуждают тебя приседать. Ступать неудобно: под ногами кучи угольной крошки, зазубренные обломки сланца, а в сырых шахтах месиво грязи, как на скотном дворе. Кроме того, затрудняют шаг рельсы для шахтных вагонеток (нечто вроде миниатюрной железной дороги с ящиками, груженными рудой). Все припорошено сланцевой пылью, и ощущается присутствующий, видимо, всем шахтам удушливый запах газа. Видишь загадочные

механизмы, назначение которых тебе вовек не понять, висящие на проводах связки инструментов и порой стаи убегающих мышей. Мыши – на удивление обычное явление в шахтах, особенно тех, где использовались или продолжают использоваться лошади. Интересно бы знать, как вообще эти мыши тут заводятся; возможно, просто падают в ствол шахты, ведь известно, что благодаря большому коэффициенту поверхности тела относительно веса, мышь без ущерба для себя способна падать чуть не с любой высоты. Прижавшись к стене, пропускаешь цепочку вагонеток, медленно ползущих на тяге бесконечно длинного стального троса, приводимого в движение наверху. Пробираешься через завешенные мешковиной толстые деревянные двери, выпускающие вместе с тобой тугие волны воздушного потока. Двери эти – важный элемент системы шахтной вентиляции. Отработанный воздух выкачивается из штольни[8 - Штольня – вспомогательная, обычно наклонная (разведочная, эксплуатационная, вентиляционная и пр.) выработка с выходом на поверхность.] посредством вентиляторов, а свежий через устье другой штольни втекает сам собой. Но естественное движение воздуха, выбирая в этом круговороте кратчайший путь, оставило бы глубокие штреки без проветривания, отсюда необходимость разделить тоннели частыми шлюзовыми перегородками.

Вначале идти пригнувшись даже несколько забавно, однако забавы такого рода быстро приедаются. Мне дополнительно мешала моя исключительная долговязость, но когда потолок снижается до четырех футов и менее, тут уже худо всем кроме ребенка или карлика. Мало того что надо согнуться пополам, ты еще должен так держать голову, чтобы видеть нависающие балки и успевать нырнуть под них. Соответственно, постоянное растяжение шейных мышц, хотя это ничто в сравнении с болью в бедрах и коленях. Через полмили начинается невыносимая, я не преувеличиваю, смертная мука. Возникает вопрос, как же ты доберешься до забоя, а главное – как ты сможешь вернуться? Шагаешь все медленней и медленней. На пару сотен ярдов попадаешь в коридор столь низкий, что вынужден продвигаться на корточках. Затем внезапно потолок взлетает на дивную высоту (вероятно, образовавшаяся еще в древности скальная полость), и ярдов двадцать можно пройти распрямившись. Ошеломляющее облегчение. Но затем снова длинный низкий коридор и череда балок, под которыми надо проползать. Опускаешься на четвереньки, что после ковыляния на корточках не так уж плохо. Правда, когда, протиснувшись под балками, хочешь подняться, выясняется, что колени временно отказались тебе служить. Позорно просишь о небольшой передышке, встречая сочувствие со стороны шахтера-проводника, который понимает разницу между собственной и твоей мускулатурой. «Осталось всего четыреста ярдов», – ободряет он, хотя для тебя это звучит не утешительнее «четырехсот миль». Наконец, с грехом пополам

ты все же достигаешь искомого пункта. Чтобы пройти эту милю тебе потребовался целый час; горняк подобный путь проделал бы втрое быстрее. На месте тебе первым делом необходимо несколько минут полежать, растянувшись в угольной пыли, дабы восстановилась способность наблюдать шахтерскую работу и что-либо соображать.

Возвращение тяжелее не только из-за дикой твоей усталости, но и потому, что дорога назад идет чуть в гору. Низкие участки проходишь с черепашьей скоростью и уже ничуть не стыдишься попросить об отдыхе, когда немеют колени. Даже нести лампу становится нелегко, и нарастает вероятность ее уронить, после чего, если это лампа Дэви[9 - Безопасная рудничная масляная лампа с ограждающей пламя двойной металлической сеткой. Сконструирована в 1815 году английским физиком и химиком Хамфри Дэви.], она гаснет. Все сложнее пробираться под балками, иногда и подныривать забываешь. А когда, подражая горнякам, стараешься держать голову ниже плеч, ударяешься о перекладины спиной. Такое случается и с шахтерами, вот почему в жарких шахтах, где работают полуголыми, у большинства, по их выражению, «застежка на хребте» - то есть ряд застарелых струпьев вдоль позвонков. Спускаясь по наклонным штрекам, шахтеры, ловко используя выемку в своих деревянных подошвах, становятся на вагонеточные рельсы и скользят вниз. Там, где «ходки» особенно трудны, у горняков с собой трости длиной около двух с половиной футов. На обычных участках трость держат за рукоятку, в самых низких местах, приседая на корточки, ее перехватывают ближе к основанию, где тоже сделано углубление для пальцев. Трости очень помогают идти. Кроме того, отличное недавнее изобретение - защитные деревянные шлемы. Они напоминают стальные армейские каски французов или итальянцев, только гораздо легче, внутри снабжены прокладкой и настолько прочны, что делают нечувствительным даже сильный удар по голове. Выбравшись наконец на поверхность, проведя в шахте часа три и одолев две мили по штрекам, ты обессилен больше, чем если бы протопал по земле двадцать пять миль. Еще неделю в ногах такое окостенение, что не присесть без героических усилий: опускаешься на стул специфическим образом, боком, не сгибая колен. Знакомые горняки, заметив твои негнущиеся ноги, подшучивают: «Что, не по вкусу шахтерская работенка?». Но даже опытный шахтер, если он долго не работал (по болезни, например), вернувшись к своему труду, первое время терпит немало мучений.

Может показаться, что я сгущаю краски, однако всякий, спускавшийся в шахту старого образца (а большинство английских шахт именно таковы) и сам ходивший к месту вырубki, думаю, подтвердит мои слова. И вот о чем мне

хочется сказать особо: кошмарные – отнимающие столько сил, сколько обычный человек тратит за день напряженных трудов, – хождения до забоя и обратно вообще не берутся в расчет, оставаясь просто неким приложением к шахтерскому делу вроде поездок к службе на метро. А ведь между двумя походами за смену шахтер еще бешено вкалывает свои семь с половиной часов. Мне никогда не приходилось добираться до угольного пласта больше мили, но зачастую здесь у горняка трехмильный путь, что для меня и прочего народа не шахтерских профессий физически оказалось бы совершенно невыполнимым. Вот этот момент всегда упускается из вида. В представлении о забое подземная глубина, тьма, духота, черные от угольной пыли рубщики, а мили, что необходимо осиливать по штрекам, как-то без всякого внимания. К тому же здесь и вопрос времени. Семь с половиной часов шахтерской смены не устрашают продолжительностью, однако сюда следует добавить, по крайней мере, ежедневный час на «ходки», а чаще это два часа, порой и три. Формально «ходка», конечно, не труд, и за нее не платят, но сил она требует никак не меньше. Удобно ссылаться на то, что сами-де шахтеры не возражают против этого. Понятно, что подобные тяготы они переносят лучше, чем вы или я. Они с детства привыкли, у них должным образом развиты мускулы, они умеют двигаться под землей с потрясающим, даже жутковатым проворством. Пригнув голову, шахтер широким шагом несется там, где я, например, еле ковыляю, и видишь, как он в нужные моменты на четвереньках легко перепрыгивает ямы почти на собачий манер. Только не стоит полагать, что это ему доставляет удовольствие. Я разговаривал со многими шахтерами, все они признают «ходку» по штрекам действием весьма трудоемким. Достаточно послушать их собственные обсуждения работ в шахте: речь у них непременно пойдет насчет «ходов». Бытует мнение, что возвращаться со смены легче, чем идти на нее. Однако горняки единодушно утверждают, что их особенно изматывает обратный путь. Да, таково условие их шахтерских трудов, и они с этим вполне справляются, хотя, конечно, при огромных затратах сил. Сопоставимо, на мой взгляд, с необходимостью перед работой и после нее взбираться на небольшую гору.

Побывав в двух-трех шахтах, начинаешь улавливать рабочие процессы под землей. (Должен, кстати, оговориться, что относительно технических сторон горной промышленности я абсолютнейший профан – просто описываю свои наблюдения). Уголь содержится в узких швах внутри скальных напластований, так что угледобыча по сути похожа на выковыривание центрального слоя из «неаполитанского» мороженого. В прежние времена шахтеры вручную отбивали уголь ломом и киркой – дело весьма небыстрое, поскольку в девственном состоянии уголь по твердости едва уступает камню. Теперь предварительный

этап ведется электрической врубовой машиной, которая в принципе является чрезвычайно мощной ленточной пилой, режущей пласт не вертикально, а горизонтально прочнейшими двухдюймовыми зубцами. По воле направляющего пилу оператора машина может двигаться вперед или назад, попутно издавая грохочущий вой из самых жутких, что мне доводилось слышать, и вздымая угольную пыль тучами, которые не позволяют видеть дальше пары шагов и почти не дают дышать. Подпиленная футов на пять в глубину часть пласта крошится, отбивается уже сравнительно легко. Тем не менее, в подготовке «неподатливых» участков требуются еще взрывные работы. Электрическим буром наподобие миниатюрного отбойного молотка подрывник высверливает ряд отверстий, заполняет их минным порохом, замазывает глиной, сам становится за углом, если таковой имеется (положено отходить на двадцать пять ярдов), и посылает разряд электрического тока. Все это не для дробления пласта, а лишь затем, чтоб сетью трещин ослабить его плотность. Хотя, конечно, иногда чересчур сильный заряд рушит угольную стену, а подчас и скальный потолок.

Далее навалышки откалывают уголь и совками швыряют на ленту транспортера, уносящего чудовищные груды весом до двадцати тонн. С конвейера груз поступает в шахтные вагонетки, цепь которых на стальном тросе безостановочно подтягивается по магистральному пути к подъемной клетке. Наверху уголь сортируют, просеивая сквозь решетки и промывая в случае необходимости. «Мусор», то есть сланец, с предельной щедростью используют в устройстве подземных путей. Все, что не пригодилось, выкидывают на поверхность, громоздя гигантские кучи «отвалов» – безобразных серых холмов, столь характерных в пейзаже шахтерских регионов. После извлечения угля, подпиленного врубовой машиной, забой углубляется футов на пять. Образовавшееся пространство за следующую смену оснащают новой секцией опор и балок; сюда, частично разобрав и заново собрав, передвигают конвейерную ленту. Отдельные фазы угледобычи по возможности ведутся в разные смены: машинная вырубка во второй половине дня, взрывные операции ночью (закон, не всегда соблюдаемый, требует проводить их в отсутствии работающих горняков), «навалка» в утренние часы.

Будучи даже внимательным, но лишь временным наблюдателем, пока не сделаешь ряд вычислений, не оценишь, с какой гигантской нормой справляется навалыщик. Каждому из них положено взять уголь с участка шириной четыре-пять ярдов. Механически подрезанный вглубь на пять футов пласт в высоту имеет фута три или четыре, и соответственно человек должен выломать, перекидать на транспортер от семи до двенадцати кубических ярдов угля. Вес

такого кубического ярда приблизительно тонна с третью – стало быть, требуется ворочать около двух тонн в час. Моего личного землеройного опыта вполне достаточно для понимания того, что это значит. Копая у себя в саду канаву и перевернув за день пару тонн земли, я чувствую, что честно заслужил свой ужин. Но земля несравненно мягче, пластичнее угля, и мне не надо копать, стоя на коленях в страшно глубокой подземной норе, где изнываешь от жары, глотаешь угольную пыль при каждом вздохе, не надо также мило добираться до места работ, согнувшись пополам. Горняцкий труд мне столь же не по силам, как трюки на воздушной трапеции или чемпионство на Больших скачках. Хотя я не живу и, упаси боже, не собираюсь жить физическим трудом, какую-то мускульную работу я все же мог бы исполнять. Я мог бы при необходимости довольно сносно подметать улицы, садовничать и даже, пусть довольно бестолково, трудиться на ферме. Но никаким напряжением, никаким обучением и тренажом я не сумел бы сделаться шахтером, чья работа за несколько недель свела бы меня в гроб.

Глядя на горняков в забое, вдруг ощущаешь, сколь разнятся миры человеческого обитания. Под землей, где идет угледобыча, совсем особенный мир, о котором многие не знают вообще ничего. Возможно, большинству даже желательно о нем не знать. Однако же тот нижний мир абсолютно необходим в пару нашему, верхнему. Едим ли мы мороженое, плывем через океан, печем хлеб или сочиняем книгу – фактически любое наше действие впрямую или косвенно связано с потреблением угля. Уголь требуется для всех мирных дел, а если вспыхивают войны, то тем более. Во времена восстаний шахтер должен продолжать трудиться, иначе самой революции конец, – реакция нуждается в угле не меньше. При любых событиях на земле, уголь должен выдаваться на-гора бесперебойно (во всяком случае, без слишком долгих пауз). Чтобы Гитлер устраивал маршировки гусиным шагом, Римский папа обличал большевизм, матч по крикету собирал толпы на стадионе «Лордз», поэты славословили друг друга, – нужен уголь. А мы словно не ведаем о том; то есть, конечно, всем известно, что «уголь необходим», но мало кому, почти никому не интересно, как же он добывается. Вот я сижу, пишу перед своим уютным угольным камином. Хоть на дворе апрель, мне еще нужно греться у огня. Пару раз в месяц к дому подъезжает телега, грузчики в кожаных безрукавках втаскивают тугие, отдающие смолистым запахом мешки и с грохотом ссыпают топливо в подвал под лестницей. Исключительно редко мозг мой специальным усилием сопрягает этот уголь с некими трудами в далеких шахтах. Просто «уголь» – нечто, чем надо запастись, твердое черное вещество, загадочно возникающее ниоткуда подобно манне небесной, с тем лишь отличием, что за него надо платить. Ты можешь запросто объехать на автомобиле весь север Англии, ни разу не

вспомнив, что под тобой, сотнями футов ниже, идет шахтерская рубка угля. Между тем в известном смысле и движение твоей машины обеспечивают именно шахтеры. Их освещенный тусклыми лампами подземный мир для солнечного мира, как корень для цветка.

Не так давно условия в шахтах были значительно хуже сегодняшних. Еще живы старухи, работавшие в молодости под землей, на четвереньках таскавшие вагонетки с помощью прикрепленных к поясу, пропущенных между ног цепей. В этих упряжках ползали они обычно и во время беременности. Мне представляется, даже теперь, если бы никак иначе, мы скорее бы примирились с трудом впряженных в угольные вагонетки беременных женщин, нежели лишили себя угля. Просто пришлось бы, разумеется, пореже мучить себя мыслями о тех бедняжках. Так ведь со всеми видами физического черного труда: ими держится наше существование, но в думах наших они не присутствуют. Шахтер – ярчайший представитель сословия работяг не потому лишь, что труд его устрашающе тяжел, а еще потому, что, жизненно необходимый, труд его совершается вдали от нас, от наших глаз и позволяет не осознавать его, как не осознается бегущая по венам кровь. Смотреть на действия шахтеров неким образом даже унизительно. Мелькает неуверенность насчет себя-«интеллектуала» и вообще персоны более важной. До тебя вдруг доходит (по крайней мере, в этот момент), что все «вышестоящие» на высоте только за счет того, что горняки парят кишки в забоях. И вы, и я, и редактор Литприложения «Таймс», и стихотворцы, и архиепископ Кентерберийский, и товарищ Икс, автор «Марксизма для младенцев», – все мы нашим относительным благополучием обязаны чумазым до самых глаз, наглотававшимся шахтной пыли работягам, что своими стальной мощи руками без устали швыряют уголь на транспортер.

3

Когда шахтер поднимается наверх, даже сквозь черную угольную маску видно, как он бледен. Бледность из-за спертого, грязного воздуха в забое и постепенно она исчезает. Но впервые посетившему горняцкий север человеку с юга зрелище выходящих после смены нескольких сотен шахтеров кажется диковатым и несколько зловещим. Изнуренные лица с густой чернотой в каждой впадине выглядят свирепо. Потом отмытых горняков уже не очень отличишь от прочих местных жителей. Грубая мешковатая одежда скрывает их великолепное телосложение, а небольшой их рост малозаметен благодаря походке с очень

прямой спиной и расправленными плечами (реакция на постоянную сгорбленность под землей). Точней всего шахтеры узнаются по синим черточкам на лбах и носах. Внешность каждого из них навек помечена этой характерной штриховкой. Постоянно клубящаяся в шахте угольная пыль, проникая в любую царапинку и зарастая кожей, разрисовывает лица своеобразной, фактически самой настоящей, татуировкой. У некоторых ветеранов лбы сплошь в синих прожилках наподобие сыра рокфор.

Поднявшийся шахтер первым делом прополаскивает горло, освобождая носоглотку от самой вредоносной пыли, затем идет домой и сразу или же не сразу, это согласно привычке, моется. По моим наблюдениям, большинство предпочитает сначала поесть, как и сам бы я поступил в подобных обстоятельствах. Нормальная картина – сидящий за столом шахтер с лицом исполнителя негритянских блюзов: абсолютно черным кроме розовых губ, отчищенных едой. После трапезы ставится, наливается таз, и шахтер очень тщательно моет руки, потом грудь, шею и подмышки, потом лицо и голову (на голове особенно толстая корка грязи), потом жена куском фланели моет ему спину. Принято мыть лишь верхнюю половину туловища, и впадина пупка, по-видимому, остается гнездом угольной пыли, но даже при этой частичной процедуре нужна немалая сноровка, чтобы обойтись одним тазом воды. Лично мне по возвращении из шахты потребовалось две полных ванны. Промывание запорошенных углем век уже целое дело минут на десять.

В некоторых крупных и лучше оснащенных шахтах наверху имеются ванны. Огромное преимущество, поскольку горняки не только могут ежедневно – и весьма комфортабельно, даже роскошно – вымыться целиком, но благодаря индивидуальным шкафчикам с чистой и рабочей одеждой у черного как негр шахтера есть возможность через двадцать минут после смены отправиться на футбольный матч при полном параде. Однако подобный комфорт встречается довольно редко: угольный пласт не бесконечен, так зачем тратиться, всякий раз оборудуя банные удобства наверху вновь пробитого ствола. Не знаю точных цифр, но, похоже, мытье на шахте доступно лишь трети рабочих. У большинства, по-видимому, тело ниже пояса черным-черно, по крайней мере, шесть дней в неделю. Дома же вымыться от головы до ног им практически невозможно. Каждую каплю воды требуется нагреть, и в крошечных помещениях, где кроме кухонной плиты и прочей обстановки еще толкуются жена, дети, а часто и собака, просто нет места для установки ванны. Даже с тазом надо управляться осторожно, чтобы ненароком не плеснуть на мебель. Представителям среднего класса нравится рассуждать о том, что шахтер, как ни благоустроивай его жилище, все равно не станет мыться должным образом, но это чушь, поскольку,

когда ванны для выходящих после смены горняков имеются, то пользуются ими фактически все. Лишь среди самых пожилых рабочих порой еще гуляет опасение чересчур частым мытьем ног «нажить прострел». Кроме того, шахтерские ванны целиком или частично оплачивают сами горняки из собственного Фонда социальной помощи. Иногда долю вносит угольная компания, иногда это полностью за счет Фонда, но престарелым леди из пансионатов Брайтона по-прежнему нравится твердить: «Дайте шахтеру ванну – он только уголь будет в ней держать».

А вообще даже удивительно, что шахтер моется так регулярно при том, как мало у него времени между работой и сном. Полагать, что его рабочий день длится семь с половиной часов, весьма ошибочно. Семь с половиной часов он трудится в забое, но, как я уже пояснял, сюда надо добавить минимум час, а то и три, на «ходки» по штрекам. Значительное время также уходит на дорогу до шахты. В индустриальных районах острейшая нехватка жилья, и только у жителей маленьких шахтерских поселков дома вблизи горной разработки. Горожанам почти всегда приходится добираться до шахт автобусом, полкроны в неделю им обычно стоит транспорт. Один шахтер, у которого я квартировал, трудился в утреннюю смену. Смена эта длится с шести утра до половины второго, но он должен был подниматься без четверти четыре и возвращался домой после трех. В другом месте, где я останавливался, пятнадцатилетний подросток, работавший в ночную смену, уходил в девять вечера, затем, вернувшись в восемь утра, завтракал, вскоре ложился и до шести вечера спал. Так что свободного времени у него оставалось часа четыре в сутки (фактически гораздо меньше, учитывая время на еду, мытье и переодевания).

Для семейства подстраивать домашний распорядок к шахтерскому изменчивому графику, должно быть, чрезвычайно обременительно. С ночной смены шахтер приходит на завтрак вовремя, после утренней смены – в середине дня, после вечерней – уже ночью, и во всех вариантах ему сразу нужна основательная трапеза. Кстати, преподобный У. Р. Инге[10 - Инге, Уильям Ральф (1860–1954) – декан собора святого Павла в Лондоне, профессор теологии Кембриджского университета.] в своей книге «Англия» упрекает шахтеров в обжорстве. Никак не могу согласиться. Едят они как раз на удивление немного. Те, рядом с которыми мне доводилось жить, обычно ели поменьше меня. Многие из них объясняют, что, плотно набив желудок перед сменой, трудно работать, а что касается пищи, которую они берут с собой (стандартно это хлеб с дрипингом и холодный чай), ею можно лишь слегка перекусить. Носят такой паек в подвязанных к поясу плоских жестянках, так называемых «захлопках». Вернувшегося с работы среди ночи голодного шахтера ждет жена, но, встав к

утренней смене, горняк по традиции готовит себе завтрак сам. Очевидно, след не совсем угасшего суеверия, согласно которому увидеть женщину утром перед походом в забой – к несчастью. Говорят, в старину шагающий на утреннюю смену шахтер, встретив женщину, частенько поворачивал обратно и тем днем уже не работал.

До посещения угольных районов я разделял общую иллюзию насчет высоких шахтерских заработков. Постоянно слыша, что шахтеру платят 10–11 шиллингов за смену, путем несложной арифметики нетрудно вычислить доход около трех фунтов в неделю или полутора сотен в год[11 - Речь идет о временах до перехода Англии на десятичную денежную систему, когда фунт равнялся двадцати шиллингам, а шиллинг – двенадцати пенсам.]. Но здесь легко впасть в заблуждение. Во-первых, тарифная ставка 10–11 шиллингов касается лишь непосредственных добытчиков угля, а прочие – скажем, установщики крепежа, – получают всего по 8–9 шиллингов. К тому же нередко оплата у добытчиков сдельная, за тонны, выданные на-гора, и тогда заработок очень зависит от качества угля; кроме того, поломка механизма или «разрыв» (скальная жила поперек угольного пласта) могут на день-другой оставить вовсе без заработка. В любом случае нельзя строить расчеты, исходя из шахтерского труда шесть дней в неделю, пятьдесят две недели в год. Почти всегда находятся причины для временного отстранения от работ. По данным отраслевой статистики средний заработок британского шахтера (без различия пола и возраста) в 1934 году составил 9 шиллингов 1,75 пенса за смену, и если бы все горняки трудились все рабочие дни, это действительно бы означало почти 2 фунта 15 шиллингов в неделю, то есть примерно 142 фунта в год. Однако реальный доход значительно ниже, так как расчет сделан по выплатам за отработанные смены, без учета вынужденных простоев.

Передо мной пять разных, выданных йоркширским шахтерам в начале 1936 года чеков на получение недельной зарплаты (недели эти не подряд). В среднем тут получается приличная сумма – 2 фунта 15 шиллингов 2 пенса в неделю, почти 9 шиллингов 2,5 пенса за смену. Но эти чеки отражают ситуацию зимой, когда работа в шахтах идет полным ходом, а с наступлением весны торговля углем сворачивается и все больше шахтеров «временно увольняют»; тех же, кто формально продолжает трудиться, каждую неделю отстраняют на день или два. Из этого с очевидностью следует, что воображаемые 150 или даже 142 фунта годовых сильно завышают цифру действительных доходов. На деле средний заработок британского шахтера в 1934 году составил лишь 115 фунтов 11 шиллингов 5 пенсов. Суммы заметно колеблются в зависимости от региона, в Шотландии достигая цифры 133 фунта 2 шиллинга 8 пенсов, а в Дархеме не

дотягивая до 105 фунтов. Данные взяты мною из книги мэра йоркширского города Барнсли Джозефа Джонса «Ведерко для угля». Мистер Джонс пишет:

«Средние цифры вбирают доход и молодежи, и опытных шахтеров, и начальства, и низшего персонала /.../ включают и неординарно высокий заработок, и солидные должностные оклады, и оплату сверхурочных.

Усредненные цифры не дают обнаружить положение тысяч взрослых рабочих, чьи доходы существенно ниже среднего показателя, кому платили только 30–40 шиллингов в неделю и даже меньше».

(Курсив мистера Джонса). Но прошу обратить внимание, что и указанный, столь мизерный доход выше тех сумм, которые реально попадают в руки шахтера. В одном районе Ланкашира мне дали типичный список еженедельных вычетов. Вот его пункты:

Страхование (по безработице или болезни).

Прокат шахтерских ламп.

Заточка инструмента.

Контроль весовщика.

Амбулатория.

Больница.

Фонд взаимопомощи.

Профсоюзные взносы.

--

Итого.....

Ряд этих платежей (типа профсоюзных взносов или фонда взаимопомощи), так сказать, добровольно взят на себя шахтерами. Другие вычеты определяет угольная компания. Тут бывает по-разному; не всюду, например, шахтера жульнически вынуждают платить за прокат лампы (выкладывая шесть пенсов в неделю, рабочий эту лампу покупает несколько раз в год), но, в целом, сумма индивидуального убытка примерно та же. По цифрам пяти йоркширских платежных чеков средний максимум недельной зарплаты 2 фунта 15 шиллингов 2 пенса, но после всяческих удержаний это лишь 2 фунта 11 шиллингов 4 пенса, – 3 шиллинга 10 пенсов съели вычеты. Причем, естественно, тут зафиксированы только отчисления, назначенные угольной компанией, а с учетом профсоюзных взносов было удержано более четырех шиллингов. О вычетах из недельной зарплаты каждого взрослого шахтера в размере примерно четыре шиллинга можно говорить уверенно. Таким образом, представленные статистикой 115 фунтов годовых это чистыми всего лишь около 105 фунтов. Мне возразят: зато ведь у шахтера есть дотация в виде права покупать уголь по льготной цене (по восемь-девять шиллингов за тонну). Однако, согласно выкладкам мистера Джонса, «средняя по стране сумма всех шахтерских компенсаций едва достигает четырех пенсов в день». Компенсация, которая в большинстве случаев способна покрыть лишь расходы на проезд до работы и обратно! Итак, британский шахтер на руки получает и домой приносит не больше (скорее, чуть меньше) двух фунтов в неделю.

А сколько же угля при этом он добывает?

Годовой объем угледобычи в расчете на число рабочих отрасли довольно медленно, но постоянно растет. В 1914 на каждого шахтера приходилось 253 тонны, в 1934 – уже 280. Расчет этот, конечно, подразумевает горняков всех специальностей; добытчик в забое берет намного больше, нередко свыше тысячи тонн. Но даже среднестатистические «280 тонн» это весьма внушительно. Ярче всего сравнение шахтерской продуктивности с чьей-либо иной. Если я проживу до шестидесяти лет, то, вероятно, напишу около тридцати книг, которыми можно будет заполнить пару полок в стеллаже. Шахтер за это время даст 8400 тонн угля – достаточно, чтобы покрыть Трафальгарскую площадь двухфутовым угольным слоем или же обеспечить углем семь больших семейств на добрую сотню лет.

В пяти вышеупомянутых платежных чеках трижды возле фамилий горняков проставлен штамп «выбыл по причине смерти». Когда рабочий гибнет в шахте, его коллегам полагается сделать некоторый взнос для сбора средств вдове погибшего (обычно по шиллингу, автоматически вычитаемому компанией из шахтерской зарплаты). Однако сколь выразительна деталь – специальный резиновый штампель. Количество несчастных случаев в горняцком деле так велико, что это как бы в порядке вещей, словно при ограниченных военных действиях. Ежегодно один из девятисот шахтеров погибает, один из пяти получает увечье. Большинство травм, конечно, можно назвать мелкими, но, копясь и копясь, они доводят до полной инвалидности. А степень риска такова: работа в течение сорока лет оставляет шансов избежать увечья семь к одному и не более двадцати к одному – избежать смерти в недрах шахты. Никакой другой труд не приближается к шахтерскому по уровню опасности (следующая в угрожающем списке отрасль это торговый флот, где ежегодно гибнет один моряк из тысячи трехсот). Приведенные данные соотносятся с общим числом горняков, а для работающих под землей риск, разумеется, гораздо выше. Всякий долго трудившийся шахтер в беседах со мной непременно упоминал либо о собственном достаточно серьезном несчастном случае, либо же о случившихся у него на глазах смертях приятелей. В каждой шахтерской семье вам расскажут об отцах, дядьях, братьях, погибших в шахте («упал, семь сотен футов пролетел, и кусков бы не собрать, если б не новая его клеенчатая роба...»). От некоторых рассказов мороз по коже. Один горняк, например, описывал мне, как работавшего рядом с ним «подённого» придавило рухнувшей скалой. Товарищи подбежали, сумели освободить ему голову и плечи, чтобы тот мог дышать, – он еще был жив, говорил с ними. Но тут снова обвал, все разбежались и «подённого» вновь завалило. Вторично примчались, опять откопали голову и плечи, вновь несчастный говорил с ними. И третий обвал, после которого пришлось откапывать беднягу несколько часов, найдя его уже, конечно, мертвым. Рассказчик этой истории (на него самого однажды рухнула скальная кровля, однако ему удалось, спрятав голову между ног, сохранить некое пространство для дыхания) не считал описанный случай чем-то особенно ужасным. Его больше занимало, что «подённый» отлично знал, как опасен доставшийся ему участок, и каждый день шел туда в ожидании беды. «Так ему это в ум вошло, что он, на смену уходя, жену поцеловал. Она мне после говорила – впервые, мол, поцеловал за двадцать лет».

Самая известная и очевидная причина аварий – взрывы газа, который всегда, более или менее, присутствует в шахтной атмосфере. Есть специальные лампы для контроля воздуха, а если газ сгущается активно, это можно обнаружить даже голубоватым огоньком обычной лампы Дэви. Синевя пламени, не

исчезающая даже с выкрученным до предела фитилем, означает, что концентрация газа опасно высока. Однако точно определить затруднительно, ибо газ растекается неравномерно, сгущаясь в трещинах и разломах. Перед началом работ шахтер часто проверяет насыщенность газом, тыча своей лампой во все углы. Причиной возгорания могут стать или взрывные работы, или искра от удара по камню, или неисправная лампа, или особенно сложные для тушения, тлеющие в кучах угольной пыли «рудничные огни». Поскольку наиболее заметные, уносящие сотни жизней катастрофы обычно вызываются взрывами газа, бытует убеждение, что это главная опасность в шахтерском труде. На практике несчастья чаще происходят из-за постоянных и каждодневных угроз, в особенности из-за обрушений скальной кровли. Круглые дыры выпавших «валунов» над головой указывают, откуда срывались камни, способные убить не хуже пушечного ядра. И могу вспомнить только одного шахтера, который в беседах со мной не сетовал на увеличившие риск мощные механизмы и вообще «гонку». Отчасти здесь консерватизм мышления, но достаточно резонный. Во-первых, нынешняя скорость отбойки угля на целые часы оставляет новое пространство забоя без креплений, чем повышает угрозу обвала. Притом еще расшатывающая стены вибрация, а также шум – помеха человеческому чутью. Безопасность шахтера в огромной мере зависит от его хорошо развитой чуткости. Опытные горняки утверждают, что есть инстинктивное спасительное ощущение: «Чуешь, как камень сверху давит». На слух они способны уловить малейший скрип готовых сломаться балок. Кстати, деревянные опоры в шахтах до сих пор предпочитают металлическим именно потому, что деревянные скрипят, предупреждая о беде, а железные валятся неожиданно и мгновенно. В оглушительном машинном грохоте ничего не услышишь – стало быть, меньше шансов уберечь себя.

Если шахтера завалило, сразу ему помочь, конечно, невозможно. Погребенного под горой камней и зажатого в жуткой щели, его надо не только высвободить, но еще мило или больше тащить по штрекам, где людям даже не распрямитесь. Побывавшие под завалом рассказывают, что их извлекали, вытягивали на поверхность часа два. С клетью тоже порой происходят аварии. Движение ее достигает скорости железнодорожного экспресса, а управляется она находящимся наверху оператором, который сам не видит что и как. Приборы позволяют следить за продвижением клетки, но ведь случаются ошибки управления, и тогда клеть на полной скорости врежется в дно штольни. Кошмарная смерть. Только представить: замурованный в тесном стальном ящике десяток людей летит вниз сквозь сплошной мрак, в какой-то момент люди понимают, что механизм подвел, и несколько секунд ясно осознают, что их сейчас расшибет всмятку. Один шахтер рассказал мне, как, находясь в клетке, не

затормозившей на подходе ко дну, он и все остальные ощутили аварийную ситуацию. Они решили, что лопнул трос. Приземление прошло достаточно благополучно, но, выбравшись из клетки, шахтер обнаружил во рту сломанный зуб, – так стиснулись его челюсти в ожидании страшного конца.

При той физической силе, которая необходима их трудам, шахтеры, если не считать производственных травм, должны бы, кажется, отличаться здоровьем. Однако их мучает ревматизм, человеку со слабыми легкими в насыщенных угольной пылью шахтах тоже долго не протянуть, но главная горняцкая болезнь – нистагм. Заболевание, заставляющее глазные яблоки странно подергиваться на свету, возникает, видимо, благодаря работе в полутьме и нередко приводит к полной слепоте. Рабочие, ставшие инвалидами по этой или иной связанной с шахтой причине, получают от компании денежную компенсацию либо единовременно, либо как пенсию. Такая пенсия везде не больше двадцати девяти шиллингов, но если она меньше пятнадцати, то инвалид еще имеет право на госпособие по безработице или дотацию в соответствии с актом «проверки средств». На месте увечного шахтера, я бы предпочел единовременную сумму: тогда хоть деньги наверняка получишь. Пенсий по нетрудоспособности ни один централизованный фонд не гарантирует, так что, если компания банкротится и прекращает платежи, шахтер, хотя формально он тоже в числе кредиторов, остается ни с чем.

В Уигане[12 - Уиган – старейший шахтерский город на северо-западе Англии, в графстве Ланкашир.] я некоторое время проживал у шахтера, страдавшего нистагмом. На расстоянии комнаты он еще что-то различал, но дальше видел очень плохо. Девять месяцев ему выплачивали пенсию двадцать девять шиллингов в неделю, затем компания заговорила насчет перевода его на «частичную компенсацию» – четырнадцать шиллингов. Все теперь зависело от того, признает ли врач его состояние годным для легкой работы «наверху». Нет нужды пояснять, что и с положительным вердиктом медика никакой подходящей легкой работы ему бы не нашлось, зато он стал бы получать госпособие, а частная компания – еженедельно экономить на нем пятнадцать шиллингов. Наблюдая походы этого шахтера в контору за компенсацией, я остро ощутил, сколь глубоко до нынешнего дня различия, определяемые статусом. Человек почти потерял зрение на одной из самых важных, полезных для общества работ и больше кого-либо иного заслужил свою пенсию. И все же он не мог, так сказать, требовать положенные деньги – не мог, например, получать их тогда и как ему удобно. Раз в неделю, в назначенный день ему приходилось отправляться на шахту и там часами ждать возле конторы на холодном ветру, а в довершение он еще, можно не сомневаться, армейским жестом брал под

козырек, благодаря за выданные шиллинги. Во всяком случае, он должен был впустую потратить день да еще выложить шесть пенсов за автобус. Для приобщенного к сословию буржуазии, даже такого захудалого, как я, совсем другой канон. Даже на грани нищеты за мной числятся некие права по моему буржуазному статусу. Зарабатываю я лишь чуть больше шахтера, но деньги мне, джентльмену, переводят на банковский счет, с которого я их беру, когда хочу. И даже если счет мой пуст, менеджер банка со мной достаточно любезен.

Гнусность пренебрежительного отношения, унизительно долгих ожиданий, непременных уступок ради чужого удобства – постоянное слагаемое жизни пролетария. Множеством способов на него непрерывно давят, загоняя в рамки пассивного существования. Живет он не действием, а под воздействием. И чувствуя себя рабом неведомых могучих сил, он пребывает в твердом убеждении, что «они» не позволят ему ни того, ни сего, ни этого. Однажды на сезонном сборе хмеля я спросил у ишачивших там, мокрых от пота работяг (платили им меньше шести пенсов в час), почему не организуется союз поденщиков? Мне тут же возразили: никогда, мол, «они» не дадут сезонникам объединиться. Кто именно будет препятствовать, никто из сборщиков сказать не мог, но «они» явно были всемогущи.

Личность буржуазного происхождения идет по жизни в стойком ожидании когда-то уж непременно получить желаемое (ну, в разумных пределах). Отсюда то, что в тяжелые времена вожди, как правило, из «образованных». Талантами они одарены не более всех прочих, да ведь и «образованность» сама по себе бесполезна, но эти люди привыкли к уважению своих прав и соответственно наделены необходимой командирам самоуверенностью. Поэтому их лидерство всегда и всюду видится непреложным. В книге французского журналиста Проспера Лиссагаре «История Парижской коммуны», в описании репрессий после подавления восставших есть интересный пассаж. Власти искали главарей и, не имея информации о них, определяли таковых на глаз: по признакам принадлежности к высшим классам. Офицер шел вдоль строя арестованных, высматривая обличающие вожаков приметы. Одного человека расстреляли, поскольку на руке его были часы, другого – потому что у него было «интеллигентное лицо». Мне лично не хотелось бы получить пулю за «интеллигентное лицо», но как не согласиться, что во главе почти всякого бунта люди с правильной, культурной речью.

Приехав в очередной промышленный город, плутаешь по лабиринту узких слякотных проходов среди закопченных кирпичных хибар и засыпанных шлаком дворики с вонючими мусорными ящиками и будками полуразвалившихся уборных. Количество комнат в домах здесь варьируется от двух до пяти, но интерьеры жилищ поразительно однообразны. Всюду почти одинаковые, тесные (примерно десять на десять или двенадцать на двенадцать футов) общие комнаты, эти кухни-столовые-гостиные. Если площадь внизу побольше, имеется закуток для мытья посуды, если поменьше – раковина и котел здесь же, рядом с кухонной плитой. Позади дома либо крохотный дворик, либо такой индивидуальный отсек общего для нескольких домов двора, которого хватает вместить лишь ящик для мусора и сортир. Горячего водоснабжения нет нигде. Можно пройти, я полагаю, сотни миль вдоль домов, населенных шахтерами, каждый из которых приходит после работы черный от головы до пят, и не найти жилище с ванной. Строителям в свое время было бы очень просто установить водогрейные системы, работающие от кухонных плит, но подрядчик, видимо, сэкономил по десятку фунтов с объекта, да и в голову никому тогда не приходило, что шахтерам нужны ванны.

Отметим, что, в основном, дома у шахтеров старые, простоявшие не меньше полусотни лет, по любым сегодняшним нормам непригодные для человеческого обитания. Живут в них просто потому, что больше негде. И это главная проблема относительно жилья в промышленных районах. Она не в том даже, что здания убоги, безобразны и лишены санитарных удобств, что дома скучены в невообразимо мерзких трущобах подле коптящих заводов, воняющих каналов и курящихся серным дымом холмов сланца (хотя все это безусловный факт), – главная проблема в том, что зданий элементарно не хватает.

«Дефицит жилья», который довольно широко обсуждается еще со времен войны[13 - Имеется в виду Первая мировая война 1914–1918 гг.], для людей с недельным доходом десять или хоть пять фунтов тема не слишком актуальная. Что же касается дорогих престижных домов, тут проблема отнюдь не здания, а поиск арендаторов. Пройдитесь по любой улице Мэйфера[14 - Один из самых престижных районов Лондона.] и в половине окон вы увидите таблички «сдается внаём». Но в промышленных областях одно из худших проклятий бедности – сложность вообще найти жилье. И люди соглашались на любую дыру, любой клоповник с прогнившими полами и треснувшими стенами, на вымогательство маклера и домовладельца-шкуродера – только бы получить крышу над головой.

Я бывал в жутких жилищах, в домах, где, даже приплати мне, никогда не поселился бы и на неделю, но съемщики в них обитали по двадцать, по тридцать лет, мечтая лишь о том, чтобы прожить там до конца дней. Обычно, хотя не всегда, жильцы воспринимают эти условия как вполне нормальные. Некоторые, кажется, едва ли представляют, что где-то есть приличные дома, полагая клопов и дырявые крыши творением Божьим, другие горько клянут домовладельцев, но все под страхом худших вариантов цепляются за свои норы. При такой нехватке жилья у местных муниципальных властей маловато возможностей благоустроить или вообще заменить ветхие постройки. Совет вправе определить дом «непригодным», но нельзя приказать его снести, пока жильцам не будет другого пристанища. Так что приговоренные здания стоят и стоят, делаясь, разумеется, все хуже, поскольку владельцу развалюхи нет резона тратиться сверх минимально необходимого на дом, который рано или поздно снесут. В таком городе, как Уиган, более двух тысяч жилых зданий давно признаны непригодными, и целые кварталы были бы обречены на снос, имейся хоть какая-то надежда выстроить новые. А в таких городах, как Лидс и Шеффилд, несть числа «сдвоенных» домишек, сам тип которых не годится для жилья, но которые простоят еще не одно десятилетие.

Я осмотрел множество жилищ в шахтерских городах и поселках, коротко помечая для себя основные детали. Думаю, ясное представление об увиденном даст часть этих записей, взятых сейчас почти наугад (кое-что здесь я ниже поясню и расшифрую). Итак, несколько записей из Уигана:

1. Дом в квартале Уоллгейт. Задняя стена глухая. Внизу 1, наверху 1. Общая 10-12 футов, спальня такая же. Под лестницей чуланчик 5?5 (используется как кладовка, мойка и склад угля). Окна открываются. До уборной 50 ярдов. Аренда 4ш. 2п., налог 2ш. 6п., итого – 7ш. 3п.

2. Соседний дом. По площади, как предыдущий, но чулана под лестницей нет, просто стенная ниша с раковиной. Никаких помещений для кладовки и пр. Аренда 3ш. 2п., налог 2ш., итого – 5ш. 2п.

3. Дом в квартале Скоулис. Признан непригодным. Внизу 1, наверху 1. Обе по 15?15. Раковина и котел в комнате. Под лестницей угольный погреб. Перекрытия

просели. Ни одно окно не открывается. Дом достаточно сухой. Хозяин хороший. Аренда 3ш. 8п., налог 2ш. 6п., итого – 6ш. 2п.

4. Соседний дом. Внизу 2, наверху 2. Есть угольный погреб. Стены еле держатся. Потолки над спальнями протекают так, что в дождь вода хлещет ручьем. Полы кривые. Окна внизу не открыть. Хозяин плохой. Аренда 6ш., налог 3ш. 6п., итого – 9ш. 6п.

5. Дом на Гринос-роу. Внизу 2, наверху 1. Общая комната 8?12. Стены в трещинах, проникает вода. Передние окна открываются, задние нет. Семья из десяти человек, восемь детей мал мала меньше. Ввиду чрезвычайной перенаселенности муниципалы пытаются найти им другое жилье, но безнадежно. Хозяин плохой. Аренда 4ш., налог 2ш. 3п., итого – 6ш. 3п.

Хватит, пожалуй, про Уиган. Таких страниц у меня много. Вот запись из Шеффилда – типичный пример одного из тысяч и тысяч «сдвоенных» домов:

Дом на Томас-стрит. Сдвоенный. Внизу 1, наверху 2 (т. е. три этажа, на каждом по одной). Имеется подвал. Все помещения по 10?14, раковина в столовой. Спальни наверху без дверей: открытые проемы с лестницы. Стены внизу сыроватые, в спальнях совсем ветхие, протечки со всех сторон. Дом такой темный, что всегда должен гореть свет. За электричество платят по полшиллинга в день (наверное, слегка преувеличено). Семья шесть человек; четверо детей, сплошь в соплях и прыщах. Муж на госпособии по безработице и болен туберкулезом. Один ребенок в больнице, остальные вроде бы здоровы. Снимают это жилье семь лет. Хотели бы переехать, но некуда. Аренда, включая налог: 6ш. 6п.

А вот парочка записей из Барнсли:

1. Дом на Уортли-стрит. Внизу 1, наверху 2. Общая комната 10?12. Котел с раковиной здесь же, под лестницей угольный погреб. Слив сделан плохо, раковина постоянно переполнена. Постройка очень дряхлая. Свет газовый, счетчик со щелью для монет. Дом темный, за освещение 4 пенса в день. Верхние комнаты – одна, просто разгороженная пополам. Стены совсем трухлявые, в задней – сквозная трещина. Оконные рамы сгнили, держатся прибитыми планками. В дождь всюду течет. Из канализационной трубы под домом страшная вонь, но муниципалы говорят, что для ремонта «пока нет возможности». Шесть человек, четверо детей, самому старшему ребенку пятнадцать. Младший (предпоследний) в больнице – подозревают туберкулез. Дом кишит клопами. Аренда, включая налог: 5ш. 3п.

2. Дом на Пил-стрит. Сдвоенный. Внизу 2, наверху 2, имеется большой подвал. Общая комната квадратная, раковина и котел здесь же. Соседняя равного размера и, вероятно, предназначалась быть гостиной, но служит спальней. Площадь наверху такая же. Очень темно, за газовое освещение 4 пенса в день. До уборной 70 ярдов. Четыре кровати и восемь человек: старики родители, две взрослые дочери (старшей двадцать семь), парень и трое младших. Одна кровать отцу с матерью, вторая – старшему сыну, еще две – для остальных пятерых. Клопов до ужаса («да как им не плодиться-то в тепле?»). Неописуемая нищета внизу, а наверху невыносимый запах. Аренда, включая налог: 5ш. 7п.

3. Дом в Мэплвелле (маленький шахтерский поселок близ Барнсли). Внизу 1, наверху 2. Общая комната 13?14, раковина здесь же. Стены с обвалившейся штукатуркой. Духовка без единой полки. Слегка ощущается утечка газа. Верхние каморки по 8 на 10. Четыре кровати (в семье шестеро людей, все взрослые), но «одна щас не прибрана» – похоже, нет постельного белья. Ближайшая к лестнице спальня без двери, а лестница без перил, так что рискуешь после сна шагнуть в пролет и с десятифутовой высоты рухнуть на каменный пол. Наверху сквозь дыры прогнившего настила можно обзреть нижнее помещение. Клопы, хотя «уж их и моришь, и дезинфекцией поливаешь». Земляная дорога рядом с домом, как навозное месиво; зимой, говорят, едва пройти. Дворовые кирпичные уборные почти в руинах. Снимают это жилье уже двадцать два года, задолжали 12 фунтов, в счет чего платят дополнительно шиллинг в неделю. Хозяин, предъявляя повестки о выселении, требует съехать. Аренда, включая налог: 5ш.

И т. д., и т. п. Примеров в моем блокноте множество, и всякий пожелавший осмотреть жилища промышленных областей может добавить к списку сотни тысяч подобных. Теперь я должен пояснить кое-что в своих записях. Цифры с пометкой «внизу», «наверху» – количество комнат на каждом этаже. «Сдвоенный» дом – два семейных жилья в одной постройке с входами на противоположных сторонах; то есть когда вы видите вдоль улицы двенадцать домов, реальных жилищ тут двадцать четыре. Половина сдвоенного дома выходит на улицу, половина – во двор, но проход возле здания один. Результат очевиден. Уборные на задних двориках, так что, живя в фасадной части, вы добираетесь до клозета и мусорного ящика, лишь совершив прогулку вокруг здания, – путь, длиной иногда до двухсот ярдов. Если же ваш вход со двора, у вас прелестный вид на ряд сортиров. Дома с «глухой задней стеной» – тип обычного дома, где строитель, однако, почему-то (по чистой злобе, вероятно) не прорезал проем для задней двери. Особенность шахтерских домов – окна, которые нельзя открыть. Подрытая тоннелями шахт почва постоянно оседает и постройку перекашивает. В Уигане дивишься шеренгам дико накренившихся домов с невероятно косоугольными рамами окон. Многие наружные стены выпирают дугой, словно дом на последнем месяце беременности. Кирпичную стену можно переложить ровно, но вскоре ее вновь начнет выпячивать. Дом, где слив терзает коварством, окна навек заклинило, дверные косяки разъехались и требуют срочной замены, – этим местных жителей не удивишь. Рассказ о пришедшем со смены шахтере, который обнаружил, что попасть в дом сможет, лишь прорубив дверь топором, воспринимается комичным случаем. В некоторых моих записях есть пометки «хозяин хороший» или «хозяин плохой», поскольку о владельцах жилья обитатели отзываются весьма по-разному. Для себя я открыл (возможно, этого следовало ожидать), что наихудшие домовладельцы – самые мелкие. Констатировать такой факт неприятно, но объяснить нетрудно. Хотелось бы, чтобы типичным владельцем трущобы оказался бесчеловечный жирный скряга (предпочтительно – епископ), наживающий золотые горы грабительской арендой. Увы, значительно типичней бедная старуха, которая вложила все сбережения долгих лет в покупку трех лачуг, теперь, живя в одной из них, пытается существовать, сдавая две другие, – и в результате никогда не наскребает денег на ремонт.

Эти сухие краткие заметки многое говорят только мне самому. Перечитывая их, я снова вижу те места, где побывал, но устрашающих условий в трущобах северного шахтерского края просто не выразить. Слабоваты слова. Что скажет запись «крыша протекает» или «четыре кровати на восьмерых»? Глаз скользнет, не особенно вникая. А сколько за этим горя и тягот! Например,

перенаселенность. Зачастую в трехкомнатном домишке ютится семейство из восьми, даже десяти человек. Одна комната – общая, и так как в ней, на площади чуть более двенадцати квадратных метров, кроме плиты и раковины еще втиснуты стол, немало стульев и буфетный шкаф, места для койки тут не остается. Соответственно, восемь или десять человек спят в двух каморках, вмещающих обычно по две кровати. Особенно плохо, когда много взрослых, работающих членов семьи. Помню дом, где три девушки делили одну кровать, трудясь в разные смены и нервируя друг друга при каждом своем уходе-возвращении; помню молодого горняка, работавшего в ночную смену, спавшего на узкой койке днем и на ночь уступавшего ее другому члену семьи. Дополнительная сложность возникает, когда подрастают мальчики и девочки, которых уже не положишь рядом. Я видел дом, где жили отец, мать, их юные, лет по семнадцать, сын и дочь, но имелось лишь две кровати. Отец там спал вместе с сыном, а мать с дочерью – единственный вариант избежать угрозы кровосмешения. Или вот бедствие дырявых крыш и сырых стен, из-за чего в некоторых спальнях зимой почти невозможно находиться. Или вот полчища клопов. Если уж эти твари завелись, то никогда не сгинут, пока сам дом не сломают, – надежного средства их извести не существует. Или вот беда с окнами, которых не открыть. Надо ли пояснять, что это означает летом в душной комнатенке при непрерывной готовке пищи на плите, топящейся чуть не круглые сутки. Или вот специфичные напасти сдвоенных домов. Полсотни ярдов до уборной или мусорного ящика не слишком стимулируют гигиеничность. У хозяек фасадных половин (во всяком случае, в проулках, куда муниципалы не заглядывают) развивается привычка выплескивать помои прямо из входных дверей, благодаря чему сточный желоб вечно полон раскисших корок и плесневеющей чайной заварки. Стоит также призадуматься о том, что это значит для ребенка, – жить в половине «со двора» и расти в постоянном созерцании ряда сортиров вдоль кирпичной стенки.

Женщина в подобных домах – лишь несчастная ломовая лошадь, шалеющая от бесконечности забот. Она может высоко держаться духом, но ей не до высоких эталонов чистоты и опрятности. Всегда надо спешно что-то делать, а удобств никаких и в помещении не повернуться. Только умоешь одного ребенка, другой успел измазаться; только отскребешь кастрюльки после трапезы, уже пора варить-жарить для следующей. Хозяйства мне встречались самые разные. Некоторые были так приличны, как максимально позволяла ситуация, некоторые же настолько ужасны, что описать нельзя. Начать с такой существенной и царящей детали, как запах – буквально неопишуемый. А грязь, а кавардак! Тут бак с помоями, там таз с невымытой посудой, всюду нагромождения плошек, на полу клочья газет и в центре обязательно этот кошмарный стол с липкой

клеенкой, на котором куча кастрюль и сковородок, недоштопанные чулки, огрызки хлеба и кусочки сыра в сальных бумажках. А толкотня в комнатухе, где еле протиснуться между мебелью, да еще непременно по лицу хлещет сырое, висящее на веревке белье и под ногами детей густо, как поганок в лесу! Несколько сцен помнятся необыкновенно ярко. Почти голая общая комната в доме маленького шахтерского поселка; огромное семейство сплошь безработных и на вид полуголодных; целый отряд уныло, вяло развалившихся детей и взрослых обоего пола, до странности похожих рыжей шевелюрой, крепкой костью и лицами, опустошенными недоеданием и бездельем; один из них, сидящий перед огнем рослый парень, слишком апатичный, чтоб хоть заметить приход незнакомца, медленно стягивает с разутой ноги липкий носок. Жуткая комната дома в Уигане, где, кажется, вся мебель была из ящичков и деревянных бочек, притом едва державшихся. Старуха с грязными разводами на шее и висящими космами на своем ланкаширско-ирландском наречии яростно поносит домовладельца, а ее мать, мумия за девяносто, сидя позади на бочке, что служит ей стульчаком, глядит на нас безучастным кретинским взглядом. Я мог бы исписать страницы картинами подобных интерьеров.

Конечно, запущенность убогих пролетарских жилищ отчасти иногда на совести самих жильцов. Даже живя в сдвоенном доме, имея четверых детей и лишь пособие в тридцать недельных шиллингов, ничто не мешает вынести стоящий весь день посреди общей комнаты ночной горшок. Но столь же верно, что подобные условия существования не поощряют чувство собственного достоинства. Возможно, определяющий фактор – количество детей. Наиболее благопристойно всегда выглядит домашнее хозяйство там, где детей нет либо не более двоих, а при наличии, скажем, трех комнатух и шестерых ребят добиться сколько-то приличного вида жилья, пожалуй, невозможно. Еще существенный момент, который следует учесть, – нижняя, общая комната не отражает степень бедности семьи. Вы можете посетить беднейших безработных, но, побывав у них только внизу, вынести ложное впечатление об их достатке. Глядя на довольно обильный ассортимент посуды и мебели в столовой, трудно поверить, что обитателей гнетет жестокая нужда. Только поднявшись в спальню, обнаружишь действительную пропасть нищеты. Не знаю, то ли гордость заставляет жильцов до конца цепляться за обстановку своих «кухонь-гостиных», то ли спальню принадлежность удобней, выгодней закладывать в ломбард, но именно спальни нередко меня просто устрашали. Надо сказать, что в семьях, уже годами живущих на пособие по безработице, нечто похожее на стандартный набор постельного белья встречается как исключение. Часто вообще ни простыней, ни даже матрасов и подушек – только груда старых пальто и всяких тряпок на ржавом остоле железной койки.

Увеличение числа домохозяев ухудшает дело. В знакомой мне семье из четырех человек (отец с матерью и два ребенка) имелось две кровати, но спали все в одной, поскольку не хватало принадлежностей, чтобы элементарно оснастить вторую.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Проверка средств» (Means-Test) – официальное обследование финансового уровня для определения прав на различные государственные субсидии.

2

В Англии произношение слов с пропуском начального звука «h» (эйч) характеризует вульгарный, простонародный выговор.

3

Рядовой лондонец; тип бойкого столичного жителя.

4

Лоуренс, Дэвид Герберт (1885–1930), английский романист, поэт и эссеист, родился в поселке Иствуд (графство Ноттингемшир) в семье шахтера.

5

Ярд (3 фута) = 91,44 см.

6

Дрипинг (dripping) – популярный в британском рационе капающий с жаркого жирный мясной сок.

7

Штрек – горизонтальная горная выработка без непосредственного выхода на поверхность.

8

Штольня – вспомогательная, обычно наклонная (разведочная, эксплуатационная, вентиляционная и пр.) выработка с выходом на поверхность.

9

Безопасная рудничная масляная лампа с ограждающей пламя двойной металлической сеткой. Сконструирована в 1815 году английским физиком и химиком Хамфри Дэви.

10

Инге, Уильям Ральф (1860–1954) – декан собора святого Павла в Лондоне, профессор теологии Кембриджского университета.

11

Речь идет о временах до перехода Англии на десятичную денежную систему, когда фунт равнялся двадцати шиллингам, а шиллинг – двенадцати пенсам.

12

Уиган – старейший шахтерский город на северо-западе Англии, в графстве Ланкашир.

13

Имеется в виду Первая мировая война 1914–1918 гг.

Один из самых престижных районов Лондона.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhordzh-oruell/doroga-na-uigan-pirs>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)